

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 811.161.1'276.2+159.942.5(045)

Карпук Галина Владимировна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
Гродненский государственный
университет им. Я. Купалы
г. Гродно, Беларусь

Galina Karpuk
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Foreign Languages
Yanka Kupala State University of Grodno
Grodno, Belarus
halina-karpuk@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ НЕПРОЩЕНИЯ ВО ВНУТРЕННЕЙ РЕЧИ

PECULIARITIES OF EXPRESSING UNFORGIVENESS IN INNER SPEECH

Статья посвящена изучению особенностей выражения чувства непрощения во внутренней речи в русскоязычных контекстах, взятых из произведений художественной литературы. Выражение непрощения характеризуется отрицательной эмоционально-экспрессивной окраской, использованием средств диалогизации, смягчения и интенсификации (из средств интенсификации особое значение имеют повтор и использование разговорной, просторечной лексики). Помимо собственно средств внутренней речи выражение непрощения сопровождается функционированием мимических, фонационных и физиологических средств.

Ключевые слова: непрощение; внутренняя речь; диалогизация; интенсификация; смягчение.

The article is devoted to the peculiarities of expressing unforgiveness in inner speech in Russian contexts. The expression of unforgiveness is characterized by a negative emotional and expressive connotation, the use of means of dialogization, mitigation and intensification (repetition and the use of colloquial words are of particular importance). The expression of unforgiveness is accompanied by the functioning of facial, phonation and physiological means.

Ключевые слова: unforgiveness; inner speech; dialogization; intensification; mitigation.

Различные аспекты внутренней речи вызывают у мыслителей-ученых, работающих в области гуманитарных наук (психологов, филологов, психолингвистов и т. д.), особый интерес. Проблематика внутренней речи рассматривалась такими исследователями, как Л. С. Выготский, А. Р. Лuria, С. Д. Кацнельсон, П. Я. Гальперин, А. А. Леонтьев, П. П. Блонский, Н. И. Жинкин, С. Л. Рубинштейн, М. М. Бахтин, Т. В. Ахутина и др.

Внутренняя речь – это «особое по своей психологической природе обование, особый вид речевой деятельности, <...> стоящий в сложном отношении к другим видам речевой деятельности» [1]. Она обладает самостоя-

тельностью, автономностью и самобытностью; в отличие от внешней речи, «речи для других», внутренняя речь «не предназначена для сообщения, это речь для себя», лишенная вокализации, однако не представляющая собой «речь минус звук» [1]. Код внутренней речи употребляется наряду с языком внешней речи [2, с. 38–39].

По своему происхождению внутренняя речь социальна: она и «протекающее в форме внутренней речи словесное, дискурсивное мышление отображают структуру речи, сложившуюся в процессе общения» [3, с. 457]. Внутренняя речь социальна и по содержанию, поскольку «по большей части обращена к собеседнику <...> посвящена размышлению, рассуждению, аргументации» [Там же], иными словами, является адресатоориентированной. Данная характеристика является одной из причин того, что внутренняя речь насыщена средствами диалогизации. Несмотря на монологическую форму, отрезки внутренней речи «сплошь диалогичны, сплошь пронизаны оценками своего возможного слушателя» [4, с. 539]. Субъект может вести воображаемую внутреннюю беседу с другим человеком, выражая то, что по какой-то причине он не мог сказать ему в реальном разговоре [3, с. 457]. Ярче всего диалогичность внутренней речи проявляется в ситуациях принятия решения, когда «сознание как бы разбивается на два независимых и противоречащих друг другу голоса» [4, с. 540].

Во внутренней речи главенствующую позицию занимает семантика, при этом смысл преобладает над значением: слово внутренней речи представляет собой «сгусток смысла», агглютинированное образование, которое «вбирает в себя смысл предыдущих и последующих слов, расширяя почти безгранично рамки своего значения» [1]. По этой причине внутренняя речь представляет определенные трудности при переводе на язык внешней речи, ведь возникает «внутренний диалект. <...> В сущности вливание многообразного смыслового содержания в единое слово представляет собой всякий раз образование индивидуального, непереводимого значения, т.е. идиома» [Там же].

Структурно и технически отражая внешнюю речь, внутренняя речь отличается от нее [3, с. 460]. «Психическая близость собеседников <...> создает у говорящих общность апперцепции, что в свою очередь является определяющим моментом для понимания с намека, для сокращенности речи. Но эта общность апперцепции при общении с собой во внутренней речи является полной, всецелой и абсолютной» [1]. В этой связи синтаксис внутренней речи носит фрагментарный, сокращенный характер: сокращению подвергается подлежащее (то, о чем идет речь) и его группа; однако сказуемое сохраняется и доминирует, т.е. наблюдается предикативность, в том числе в абсолютной степени [Там же]. Во внутренней речи сокращаются и сами слова, поскольку субъекту понятно, что он собирается сказать; она является «сокращенной, отрывочной, бессвязной, неузнаваемой и непонятной по сравнению с внешней речью» [Там же], иначе говоря, носит свернутый характер [5, с. 174].

По мнению А. Р. Лурии, внутренняя речь «является необходимым этапом подготовки к внешней, развернутой речи» [5, с. 248]. Л. С. Выготский не согласен с тем, что внутреннюю речь рассматривают «как то, что предшествует внешней, как ее внутреннюю сторону. <...> Внутренняя речь оказывается динамическим, неустойчивым, текучим моментом, мелькающим между более оформленными и стойкими крайними полюсами <...> речевого мышления: между словом и мыслью» [1]. Переход от внутренней речи к внешней представляет собой ее переструктурирование: это «сложная динамическая трансформация – превращение предикативной и идиоматической речи в синтаксически расчлененную и понятную для других речь» [Там же].

Как писал М. М. Бахтин, без «внутренней речи нет сознания» [4, с. 534]. Развитая внутренняя речь субъекта свидетельствует о сформированном и развитом сознании. Внутренняя речь «надежно защищена от постороннего вмешательства, она осознается только самим субъектом и поддается лишь его контролю» [2, с. 38]. Данная недоступность внутренней речи для прямого восприятия и наблюдения является причиной того, что она представляет сложности в плане изучения.

В настоящей статье рассматриваются особенности выражения чувства непрощения во внутренней речи, в том числе впоследствии частично озвученной. Материалом послужили русскоязычные контексты, взятые из произведений художественной литературы.

В контекстах внутренней речи при выражении непрощения используются средства его интенсификации: местоименные слова, наречия, междометия, стилистические элементы и т. д. Из данных стилистических средств особое значение имеют повтор и использование разговорной, просторечной лексики (в отличие от внешней речи во внутренней речи в силу отсутствия социокультурных и других ограничений возможна большая свобода в плане использования разговорной, просторечной, дерогативной лексики).

В озвучивании имевших место в прошлом мыслей говорящего субъекта, связанных с чувством непрощения, может наблюдаться интенсификация посредством местоименного слова *так*:

(1) – <...> «Ладно, говорит, знаем мы, как вы привязываете. Пошел вон, свинья!» Ну, я, конечно, отошел в сторону, спрятался по-за корчму и стою. **Зло меня взяло, аж тряслась весь. «Нет, думаю, этого я тебе так не оставлю».**

– Понятно. Разве же можно простить? – уверенно подтвердил Бузыга.
– Я бы хоть через год, а увел у него коней (А. И. Куприн. Конокрады).

В анализируемом контексте (1) местоименное слово *так* привносит в речь экспрессию [6] (в сочетании с инверсией и двойным отрицанием): *Нет, думаю, этого я тебе так не оставлю*. В данном случае глагол *не оставлю* имеет значение ‘не прощу’. Непрощение, имевшее место в прошлом, сопровождалось кинесикой, связанной с отрицательными эмоциями (*аж тряслась весь*). В ее передаче разговорно-сниженная лексема *аж* имеет усилительное значение [7, с. 14] и призвана выделить невербальную реакцию.

Объект непрощения отсутствует, на озвученное непрощение адресанта реагирует присутствующее лицо и выражает свою солидарность с ним. Озвученный отрезок внутренней речи выполняет коммуникативную функцию: субъект непрощения делится с собеседником бытыми чувствами (*Зло меня взяло* – разговорно-сниженная, просторечная фразеологическая единица) и мыслями (используется глагол мыслительной деятельности (*думаю*)).

Целям интенсификации служат междометия и наречия. Как то подтверждает приведенный ниже внутренний монолог Родиона Раскольникова (2), контекст внутренней речи, содержащий выражение чувства непрощения, может быть эмоционально окрашенным. Степень данной, как правило, отрицательной эмоционально-экспрессивной окраски во многом зависит от интенсивности испытываемых субъектом эмоций. Эмоционально-экспрессивный заряд непосредственно в выражении чувства непрощения в контексте (2) создается повтором междометия (*О*) и наречия (*ни за что*), восклицанием:

(2) *Минутами он чувствовал, что как бы бредит: он впадал в лихорадочно-восторженное настроение.*

«Старушонка вздор! – думал он горячо и порывисто, – **старуха, пожалуй что, и ошибка, не в ней и дело!** **Старуха** была только болезнь... **я переступить поскорее хотел...** **я не человека убил, я принцип убил!** **Принцип-то я и убил, а переступить-то не переступил**, на этой стороне остался... Только и сумел, что убить. Да и того не сумел, оказывается... **Принцип?** За что давеча дурачок Разумихин социалистов бранил? Трудолюбивый народ и торговый, «общим счастием» занимаются... Нет, мне жизнь однажды дается, и никогда ее больше не будет, **я не хочу дожидаться «всеобщего счастья».** **Я и сам хочу жить, а то лучше уж и не жить.** Что ж? Я только не захотел проходить мимо голодной матери, зажимая в кармане свой рубль, в ожидании «всеобщего счастья». «Несу, дескать, кирпичик на всеобщее счастье и оттого ощащаю спокойствие сердца». **Ха-ха!** Зачем же вы меня-то пропустили? **Я ведь** всего однажды живу, **я ведь тоже хочу...** Эх, **эстетическая я вошь**, и больше ничего, – прибавил он вдруг рассмеявшись, как помешанный. – Да, **я действительно вошь**, – продолжал он, с злорадством прицепившись к мысли, роясь в ней, играя и потешаясь ею, – и уж **по тому одному**, что, во-первых, теперь рассуждаю про то, что **я вошь; потому**, во-вторых, что целый месяц всеблагое провидение беспокоил, призывая в свидетели, что не для своей, дескать, плоти и похоти предпринимаю, а имею в виду великолепную и приятную цель, – **ха-ха!** **Потому**, в-третьих, что возможную справедливость положил наблюдать в исполнении, вес и меру, и арифметику из **всех вшей** выбрал самую наибесполезнейшую и, **убив ее**, положил взять у ней ровно столько, сколько мне надо для первого шага, и ни больше ни меньше (а остальное, стало быть, так и пошло бы на монастырь, по духовному завещанию – **ха-ха!**)... **Потому, потому я окончательно вошь**, – прибавил он, скрежеща зубами, – **потому что сам-то я, может быть, еще сквернее и гаже, чем убитая вошь**, и заранее предчувствовал, что скажу себе это

уже после того, как убью! Да разве с этаким ужасом что-нибудь может сравниться! **О, пошлость! О, подлость!.. О, как я понимаю «пророка», с саблей, на коне. Велит Аллах, и повинуйся «дрожащая тварь! Прав, прав «пророк», когда ставит где-нибудь поперек улицы хор-р-рошую батарею и дует в правого и виноватого, не удостоивая даже и объясняться! Повинуйся, дрожащая тварь, и – не желай, потому – не твое это дело!.. О, ни за что, ни за что не прощу старушонке!»**

Волосы его были смочены потом, вздрагивавшие губы запеклись, неподвижный взгляд был устремлен в потолок (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание).

В контексте (2) выражение непрощения начинается разговорным междометием **О**, которое используется для передачи разнообразных «чувств, душевных переживаний: изумления, испуга, негодования, укоризны, насмешки <...> с целью усиления эмоциональной выразительности высказывания, придания ему патетической приподнятости» [7, с. 1056], увеличения его экспрессивности [8, с. 517].

Повторяющийся интенсификатор **ни за что** – наречие разговорного характера, имеющее значение «ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах; никогда» [7, с. 1039]. Субъект, в сущности, зарекается простить когда-либо. Более того, посредством существительных *старушонка* и *арифметика* передается отрицательная оценка объекта непрощения (*старушонка* – разговорная уничтожительная форма к существительному *старуха* [9, с. 697]). Существительное *арифметика* метафорически характеризует объект непрощения (*арифметику из всех вшей выбрал самую наибесполезнейшую*). Присутствует повтор слов и словосочетаний: *старуха, старушонка, вошь, убил, принцип, переступить, хочу, жить, ха-ха, дрожащая тварь* и т. д. Следует отметить, что повтор ключевых слов и словосочетаний имеет в данном фрагменте магистральное значение: красной нитью проходит через весь контекст. Более того, используется прием кольца: внутренняя речь начинается и заканчивается лексемой *старушонка*. Наблюдается когнитивная эмпатия (*О, как я понимаю «пророка»*). Просматривается своеобразная антитеза (ее смысл заключается в том, что «я хочу что-то, но не должен этого хотеть»): *Я и сам хочу жить <...> Я ведь всего однажды живу, я ведь тоже хочу ... <...> Повинуйся, дрожащая тварь, и – не желай, потому – не твое это дело!..*

«Монологическое слово Раскольникова поражает своей крайней внутренней диалогизацией и живою личной обращенностью ко всему тому, о чем он думает и говорит. <...> Он не мыслит о явлениях, а говорит с ними. <...> обращается к себе самому (часто на ты, как к другому), убеждает себя, дразнит, обличает, издевается над собой» [10, с. 138]. Его внутренняя речь является драматизированной: «развертывается как философская драма, где действующими лицами являются воплощенные, жизненно-осуществленные точки зрения на жизнь и на мир» [10, с. 139–140] (например, в упомянутой выше антитезе из контекста 2).

Средства диалогизации рассматриваемого внутреннего монолога Раскольникова (2) представлены вопросами и ответами. Диалогическим потенциалом обладает трижды повторяющееся междометие *ха-ха*, сопровождающееся восклицательной интонацией. Данное разговорно-просторечное междометие, обозначающее громкий смех и хохот, используется для передачи неприятия [9, с. 927], «несогласия, сомнения, негодования (с оттенком иронии, презрения, насмешки)» [11, с. 590].

В контексте (2) присутствуют указание на отрицательное эмоционально-психологическое состояние Раскольникова (*он впадал в лихорадочно-восторженное настроение, думал он горячо и порывисто, с злорадством прицепившись к мысли, роясь в ней*), фонационные характеристики внутренней речи (*прибавил он вдруг рассмеявшись, как помешанный*). Эмоции, испытываемые субъектом, помимо выражения при помощи средств внутренней речи частично передаются через невербальное поведение: мимику (*скрежеща зубами; вздрагивавшие губы запеклись; неподвижный взгляд был устремлен в потолок*), физиологические реакции, например потоотделение (*Волосы его были смочены потом*).

В рассматриваемых контекстах элементы интенсификации могут сочетаться с элементами смягчения, которые включают: мотивационные компоненты, речеэтикетные единицы, стилистические элементы и т. д.

В анализируемом фрагменте (2) присутствует отрицательная характеристика объекта непрощения, обладающая некоторым смягчающим потенциалом в силу оттенка мотивационности – в понимании субъекта непрощения убитый человек не представлял собой ценности: *старушонка вздор, ошибка, болезнь, не человека убил, убитая вошь*. В контексте также наблюдается отрицательная метафорическая характеристика субъектом непрощения самого себя через многократную аналогию с вошью – насекомым, к которому люди относятся отрицательно, поскольку оно паразитирует на людях и животных (внутренней речи «вообще свойственна метафоричность» [10, с. 346]): *Эх, эстетическая я вошь, и больше ничего; Да, я действительно вошь; я окончательно вошь; сам-то я, может быть, еще сквернее и гаже, чем убитая вошь*. В данной метафорической характеристики используются интенсификаторы: *больше ничего, действительно, окончательно, еще сквернее и гаже*. Более того, привнесен оттенок оксюморона в сочетании с инверсией: *эстетическая я вошь* (эстетика и вошь не совместимы, находятся на разных полюсах, в частности по критерию позитивности/негативности восприятия людьми).

В роли смягчающих средств могут выступать, например, речеэтикетные элементы, а именно обращение по имени и отчеству:

(3) *<...> Почему про этого проклятого «рыцаря бедного» в этом анонимном письме упомянуто, тогда как она письмо от князя даже сестрам не показала? И почему... зачем, зачем я к нему, как угорелая кошка, теперь прибежала, и сама же его сюда притащила? Господи, с ума я сошла, что я теперь наделала! С молодым человеком про секреты дочери говорить, да еще... да еще про такие секреты, которые чуть не самого его касаются!*

Господи, хорошо еще, что он идиот и... и... друг дома! Только неужели ж Аглай прельстилась на такого уродика! Господи, что я плету! Тьфу! Оригиналы мы... под стеклом надо нас всех показывать, меня первую, по десяти копеек за вход. Не прощу я вам этого, Иван Федорыч, никогда не прощу! И почему она теперь его не шпигует? Обещалась шпиговать, и вот не шпигует! Вон – вон, во все глаза на него смотрит, молчит, не уходит, стоит, а сама же не велела ему приходить... Он весь бледный сидит. И проклятый, проклятый этот болтун Евгений Павлыч, всем разговором один завладел! <...> (Ф. М. Достоевский. Идиот).

В контексте (3) в выражении непрощения присутствует обращение на «вы» и по имени и отчеству (Лизавета Прокофьевна угрожает супругу, что никогда не простит его): *Не прощу я вам этого, Иван Федорыч, никогда не прошу!* Сдержанность характера речеэтикетного оформления выражения непрощения свидетельствует о смягчении данного действия. С одной стороны, в эпоху контекста (3) подобное обращение было нормой, с другой стороны, отсутствие отступления от нормы во внутренней речи в определенной степени свидетельствует об эмоциональной сдержанности и дистанцировании субъекта непрощения (супруги) от объекта непрощения (супруга).

Фрагмент (3), являясь, с одной стороны, внутренним монологом, с другой стороны, представляет собой внутренний диалог Лизаветы Прокофьевны с самой собой (на протяжении контекста) и супругом (в угрозе непрощения), в связи с этим фрагмент содержит средства диалогизации. В их роли выступают вопросительные конструкции и угроза, адресованная супругу (содержит единицу речевого этикета «обращение»).

В контексте (3) в выражении непрощения присутствуют средства, интенсифицирующие его передачу и участвующие в создании стилистического приема кольца: инверсия, наречие времени (*никогда*), повтор иллокутивного глагола с отрицанием (*не прошу*): *Не прошу я <...> никогда не прошу!*.

Отрицательная эмоциональная оценочность в речи субъекта непрощения проявляется через повтор прилагательного *проклятый* и междометия *Господи*, сравнение (*как угорелая кошка*), преобладание восклицательных конструкций и присутствие элементов в переносном значении, в том числе имеющих разговорно-сниженную, просторечную окраску (*притащила, плету, не шпигует*). Глагол *шпиговать* имеет значение «перен. разг. снабжать в изобилии какими-либо сведениями (обычно с оттенком неодобрительности); перен. устар. внушать что-л.» [9, с. 1025]; «прост. укорять, попрекать, донимать» [11, с. 728]. Междометие *господи* служит выражению «удивления, досады, нетерпения» [12, с. 339]. Прилагательному *проклятый* свойственна разговорно-сниженная окраска со значением ‘выражать сильное недовольство, возмущение’ [9, с. 356]. Как и в контексте (2), в данном фрагменте (3) повтор ключевых слов и словосочетаний является доминирующим.

Таким образом, выражение непрощения в русскоязычных контекстах внутренней речи характеризуется отрицательной эмоционально-экспрессивной окраской, преимущественно обусловленной отрицательным характером

данного чувства. Используются средства интенсификации (местоименные слова, наречия, стилистические элементы и т. д.), из которых особое значение имеют повтор и функционирование разговорной, просторечной лексики (в силу отсутствия ограничений возможна большая свобода в плане ее употребления). Средства интенсификации могут сочетаться с элементами смягчения (мотивационные компоненты, стилистические элементы и т. д.) Контексты внутренней речи богаты средствами диалогизации (вопросительные и ответные конструкции, речеэтикетные элементы и т. д.). Выражение непрощения сопровождается использованием фонационных, мимических и физиологических средств. Иными словами, выражение такого отрицательного чувства, как непрощение осуществляется через комплекс разнообразных средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – URL: <https://psychlib.ru/mgppu/vmr-1934/vmr-001.htm#hid13> (дата обращения: 28.02.2022).
2. Львов, М. Р. Основы теории речи / М. Р. Львов. – М.: Издат. центр «Академия», 2002. – 248 с.
3. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн : в 2 т. – Т. I. – М. : Педагогика, 1989. – 488 с.
4. Волошинов, В. В. Стилистика художественной речи // М. М. Бахтин (Под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. – М.: Изд-во «Лабиринт», 2000. – С. 517–572.
5. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – Ростов н/Д. : Изд-во «Феникс», 1998. – 416 с.
6. Лабзина, С. В. Слова «так» и «такой» в современном русском языке – их синонимика и изофункциональность : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. В. Лабзина; Ростов. гос. пед. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2005. – URL: <http://cheloveknauka.com/slova-tak-i-takoy-v-sovremennom-russkom-yazyke-ih-sinonimika-i-izofunktionalnost> (дата обращения: 23.02.2023).
7. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз. – Т. 1. – 2001. – 1232 с.
8. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз. – Т. 2. – 1982. – 736 с.
9. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз. – Т. 2. – 2001. – 1088 с.
10. Бахтин, М. М. Собрание сочинений : в 7 т. / М. М. Бахтин. – Т. 2. Проблемы творчества Достоевского. Статьи о Л. Толстом. Записи курса лекций по истории русской литературы. – М. : Русские словари, 2000. – 799 с.
11. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз. – Т. 4. – 1984. – 794 с.
12. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз. – Т. 1. – 1981. – 698 с.

Поступила в редакцию 13.02.2025